

виде румян и белил; обожать ум в виде заученных фраз и звучных стихов, над которыми потел другой; увлекаться улыбкой, под которой нередко скрывается злоба к суфлеру... словом, делать тысячу плюостей—вот что значит влюбиться в актрису. Но нет худша без добра; этот случай подарил русскую сцену премиленьким преумным водевилем, за который мы опять-таки обязаны Н. А. Перепельскому».

Еще два произведения «Актёр» и «Бабушкины попутан» заканчивают серию водевилей, вышедших из-под пера Некрасова и отмеченных датой все того же 1841 года. «Северная Пчела» начинается довольно энергичный обстрел драматических опытов Некрасова, не останавливаясь даже перед обвинением в плагиате. Некрасов, говорит «Пчела», водевили, переведенные и слегка переделанные с французского, выдает за оригинальные. А что касается «Бабушкиных попутан»—это уж совсем непонятно,—они будто бы повторяют содержание «Дедушкыных попутан» Хмельницкого, но «без очаровательной грации и наивности этого автора».

В процессе годичного увлечения лаврами драматурга Некрасова перевел еще с французского две больших пьесы «Кольцо маркизы» или «Ночь в хлопотах» и известную мелодраму «Материнское благословенье» или «Бедность и честь». «Материнское благословенье» удержалось в репертуаре до наших дней и считается классическим образцом старинной французской мелодрамы «с куплетами». Она имела когда-то очень большой успех в Малом театре. Тротательную роль молодой обольщенной маркизом савоярки любила играть покойная Комиссаржевская.

На этом Некрасов и подвел черту своей деятельности, как драматурга, ограничившись ук-

занными семью пьесами. Перед молодым поэтом маячили уже другие пути, другие люди, другие песни... «Современник», Белинский, Чернышевский, Добролюбов, увлечение социалистическими идеями... И водевили Перепельского оставались позади, как «грехи молодости».

*

Уже позже, в пору зрелых итогов, Некрасов сознавался в своей юношеской приверженности воздуху кулис:

Отрада юношеских лет,
Подрута идеалам,
О, сцена, сцена—не поэт,
Кто не был театралом;
Кто не сдавался в милый плен,
Не рвался за кулисы,
И не платил громадных цен
За кресты в бенефисы;
Кто по часам не ожидал
«Зеленую карету»
И водевилей не писал
На бенефис предмету...

Были ли такие «предметы» у Некрасова? Надо полагать—раз он чуть ли не в программу «русской поэтики» своего времени вводит писанье водевилей «на бенефис предмету». Возможно даже, что это играло и не последнюю роль в том припадке водевильного творчества, которым отмечен в его жизни 1841 год.

Уже и впоследствии, как прославленный поэт, он сохраняет любовь к огням рампы и среди «песен мести» отзывается тротательным стихотворением на смерть известной водевильной артистки Асенковой, сравнивая ее жизнь с мельнувшей в ночи звездочкой:

Н. А. НЕКРАСОВ

КАК УБИТЬ ВЕЧЕР

Из черновых рукописей неоконченной драматической поэмы „Медвежья охота“

КНЯЗЬ СУХОТИН. Грушин!

(Лесничий подходит).

Прошу вас за народом присмотреть,
Чтоб не шумели, к кругу подходя,
И верно цепь держали. Очень рад,
Что вы случились тут. Вы местный житель,
Вы знаете охоту, присмотрите,
Чтоб не было мальчишек мелких. Глупо
Опасности их подвергать; притом
Они и пользы принести не могут.

(К Остроухову и прочим охотникам)

А вас прошу не бегать с номеров
Друг к другу; не закуривать сигар,
Мест не менять, за цепь не выдвигаться,
И метко, разумеется стрелять.
Ханевич! Можешь ты при мне остаться,
А вы подвиньтесь за последний номер.
ОСТАШОВ. Какой чудак! Он вздумал нас учить!
Серьезно в роль Директора он входит...
Мне нужно ад'ютанта отыскать.

(Уходит к народу).

МИША. Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных, унылых, испитых...
Посмотрим ближе.

(Подходит к народу вместе с Остроуховым).

Осташов уж тут!

Уж он с прекрасным полом балагурит!
ОСТРОУХОВ (оглядывая народ). А, между
тем, как ближе подошел,

Так даже франтов вижу; вот сибирка
Суконная, вот городской бурнус.
Не сплошь больные, сумрачные лица,
С клеймом нужды, нужды и горя. Чудеса!

Картина эта такова, что тут
Гробам бы только двигаться уместно,
И воздух этот тифом напоен,
К нему одни болезненные стоны
Идут, да бред со скрежетом зубов.

И в бедности здесь спорит человек
С природой, и решить никак не могут:
Она ли, он—бедней! А, между тем,
Довольные мы слышим голоса
И вольный смех! Я, право, удивлен.

О, молодость, о, сила, о, здоровье!
СУХОТИН. Старуха, эй, старуха! Покажись
Сюда, поближе. Нет, не та,—другая!
Другую мне,—вон ту, что унынула
В толпу. (Мужики выводят старуху).

Поди, любезная, сюда!

Поди, не бойся! Как тебя зовут?

(Старуха усиливается что-то говорить и, вместо ответа, мычит. Народ хохочет).

Немая!..
ГОЛОСА В НАРОДЕ. Да, она немая!

Не так ли звездочка в ночи
Срываясь, упадает
И на лету свои лучи
Последние роняет...

Смерти известной итальянской певицы Ан-
джелины Бозио, простудившейся по пути из
Петербурга в Москву, куда она ехала на концер-
ты, Некрасов посвящает лирические строки:

... чванный Петрополь
Не жалел ничего дня нее,
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое.
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам...

По поводу балетных «мужичков», усердно на-
саждаемых в «Коньках-Горбунках» модным тог-
да балетмейстером Петица, Некрасов язвительно
советует ему:

Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика...

И еще много театральных «злоб» и строк най-
дем мы, перелистывая сочинения Некрасова.

Знаменитый В. В. Самойлов очень многим
обязан помощи Некрасова. Как это часто бывает,
«знаменитый» был довольно долгое время не
только не знаменитым, но и попросту незаме-
тным. Самойлов начинал в опере в 1833 году без
успеха. Вскоре он перешел в драму, где тоже
вначале ничем не выделялся. И только после
роли актера Стружкина в некрасовском водевиле
«Актер» начался перелом, артиста оценили, и он
стал быстро двигаться по лестнице славы. «Ак-
тер» был написан не только для Самойлова, но
и по просьбе его. Кроме «Перепельского» извес-
тен еще другой «театральный» псевдоним Не-
красова «Боб». Под этими псевдонимами юный,

голодающий Некрасов печатался в сороковых го-
дах, в издаваемом книгопродавцем Поляковым
журнале «Пантеон русского и всех европейских
театров». Там же напечатаны и два его водевиля:
«Шила в мешке не утаишь» и «Актер».

ЭМ. БЕСКИН

КН. СУХОТИН. То-то!

Глядел я долго: шамкает губами
И рот кривит, а не выходит слов!
Немая! Вы неисправимы, Грушин:
Сам бог ее молчанию обрек,
А вы ее в кричане *) допустили.
ЛЕСНИЧИЙ. Я не заметил... Нищенка, без хлеба...
КН. СУХОТИН. Вы все одно: то соли нет, то
хлеба...

Ступай, ступай, любезная, домой!
(Потирает руки).

НАРОД. Она мычать горазда: замычит, —
Так никакой медведь не улежит.

К толпе загонщиков, запыхавшись
и отдуваясь, торопливо приближа-
ются пять человек, пришедшие той
же тропой, как и прежние.

ОКЛАДЧИК. Уж поздно, братцы: барин приказал,
Чтоб больше никого не принимали.
Народ сосчитан.

МУЖИКИ. Допусти, будь друг!

ОКЛАДЧИК. Не смею, — строг; вы сами попросите.
Авось, позволит.

МУЖИКИ. Это, что ли, он?

Нас гонят, мы маленько опоздали.

Сейчас пришли; уж как бежали мы!

Вели принять нас, будь отец!

(Кланяются).

СУХОТИН. Эй, Кондырев! Не брат, не брат,
Не надо!

Мы взяли, сколько нужно, — и конец!

*) Кричанье — загонщик, гильзщик, облав-
щик (Даль).

МУЖИК. Да нас, ведь, звали. Мы, не будь охоты,
Дрова возить бы нанялись сегодня.
СУХОТИН. Известье было с вечера дано,
Спаздывать не нужно. Эй, лесничий,
Возьмите их...

МУЖИКИ (почесываются). Эх! Э! Неладно
дело!

Мы погорельцы, батюшка, неделю
Тому назад сгорели; милость ваша
На бедность не пожалует ли нам?
(Протягивают руки).

СУХОТИН Мы не затем приехали сюда,
Чтоб раздавать на бедность.
(К погорельцам). Спрячьте руки!
(К барону). Какой народ! Мороз невыносимый,
А он по локоть руку обнажил!

(К товарищам)

Пожалуйста, Кондратьев, не давай,
А то сойдется целый околоток.
Уж было раз такое приключение:
Чувствительный какой-то господин
На бедность подал... Что же, господя?
Как на второй загон мы торопились,
Нас целый околоток осадил
На той тропе, где надо было ехать,
И на медведя опоздали мы.

(Мужики уходят).

ОДИН ИЗ ТОЛПЫ (провожая их гла-
зами)

Пошли ни с чем, сердечные, а жаль:
Они, ведь, точно погорели.

ДРУГОЙ МУЖИК. Только
Осталось три двора, а вся деревня
В них кое-как теперь от стужи жметя.